4. *Фон Мизес, Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории / Л. фон Мизес. – Челябинск : СОЦИУМ, 2005. – 878 с.

5. *Кант, И.* Ответ на вопрос «Что такое просвещение?» // Собр. соч. в 8 т. / И. Кант. – М. : «Чоро», 1994. – Т. 8. – С. 29–37.

6. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2006. – 571, [5] с.

7. *Хоркхаймер, М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Медиум, 1997.

8. *Бубер, М.* Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.

9. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.

10. *Хабермас, Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 417 с.

**(Дата подачи: 25.02.2026 г.)**

*Т. В. Медведок*
Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

*T. Medvedok*
Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

**УДК 130.2:141.13:141.14**

# ИРОНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

# IRONY IN THE CONTEXT OF EASTERN AND WESTERN PHILOSOPHY: A COMPARATIVE ANALYSIS

*В статье представлен сравнительный анализ феномена иронии в восточной и западной философских традициях. Рассматриваются ключевые концепции и функции иронии в различных культурных контекстах. Обосновывается специфика иронии как инструмента децентрации субъекта и обнаружения фундаментальной онтологической пустотности в восточной мысли, а также прослеживается ее эволюция от сократического метода к «состоянию дискурса» в западном постмодернизме. Проанализирована трансформация иронии в универсальную эпистемологическую стратегию, обеспечивающую выход к недвойственному постижению реальности в современной интеллектуальной ситуации.*

*Ключевые слова: ирония; восточная философия; западная философия; мировоззрение; познание; децентрация субъекта; онтологическая пустотность; недвойственность; состояние дискурса.*

*The article provides a comparative analysis of the phenomenon of irony within Eastern and Western philosophical traditions. It examines key concepts and functions of irony across diverse cultural contexts. The specificity of irony as a tool for the subject's decentration and the revelation of fundamental ontological emptiness in Eastern thought is substantiated, alongside its evolution from the Socratic method to a «state of discourse» in Western postmodernism. The transformation of irony into a universal epistemological strategy, facilitating an approach to a non-dual perception of reality in the contemporary intellectual situation, is analyzed.*

*Keywords: irony; Eastern philosophy; Western philosophy; worldview; cognition; decentration of the subject; ontological emptiness; non-duality; state of discourse.*

Феномен иронии – одно из наиболее сложных проявлений человеческого мышления, занимающее особое место в истории философии. Его изучение позволяет глубже понять фундаментальные мировоззренческие ориентации и культурные коды различных цивилизаций. Традиционное риторическое определение иронии как способа выражения, при котором истинный смысл противоположен буквальному, недостаточно для задач сравнительного исследования. В философском контексте ирония может быть осмыслена как интенциональное удержание дистанции между фиксированной формой (языковой или концептуальной) и смыслом, обнажающее неполноту любой интеллектуальной фиксации истины. Такое понимание позволяет рассматривать иронию как универсальную эпистемологическую стратегию: если на Западе она акцентирует дистанцию между субъектом и объектом, то на Востоке – между относительным языком и абсолютной реальностью.

Использование термина «ирония» применительно к восточному материалу легитимно при его рассмотрении как универсальной герменевтической категории. Правомерность переноса обосновывается функциональной изоморфностью явлений: сократическая майевтика, чань-буддийский коан (японская форма – дзэн) и парадоксы Чжуан-цзы направлены на одну цель – деконструкцию автоматизма мышления и обнаружение границ рационального познания. Речь идет о выявлении структурно-смысловых параллелей в способах трансляции невыразимого опыта.

Универсальность данного определения не исключает существенных отличий в осмыслении иронии и ее функционировании в различных культурно-философских контекстах. Западная философия, начиная с Античности, активно разрабатывала концепции иронии, усматривая в ней и риторический инструмент, и средство философского вопрошания, и способ самопознания. Ирония, пройдя долгий и сложный путь от сократического метода до постмодернистской деконструкции и анализа гиперреальности, оказывается одним из наиболее значимых философских феноменов, к которому западная мысль совершала неоднократное возвращение, наделяя его при этом новыми смыслами и функциями.

В восточной философской традиции, несмотря на отсутствие эксплицитного употребления термина «ирония» в его западном концептуаль-

ном осмыслении, обнаруживается множество феноменов, функционально и структурно схожих с иронией. Потаенный смысл, парадоксальность, диалектика противоположностей, игра с языком – все это имеет место в различных школах философской мысли Востока, от даосизма и чань-буддизма до традиций суфизма. Эти проявления, как правило, включены в более широкие мировоззренческие системы, где их функция может отличаться от западных вариантов.

Целью данной статьи является выявление особенностей и специфики феномена иронии в контексте восточной и западной философии. Для этого требуется рассмотреть ключевые концепции иронии, ее функции и проявления, а также очертить философские основания, обусловливающие специфику иронического дискурса в разных традициях.

Истоки западной иронии связаны с сократическим методом «ученого незнания». Через последовательное вопрошание Сократ вскрывал внутреннюю противоречивость взглядов оппонента, превращая иронию в инструмент самопознания и деконструкции ложного знания. В античном контексте «самопознание... означало прежде всего познание человеком своего внутреннего опыта... осознание того, что осмысленная жизнь... составляет высшее благо» [1, с. 102].

Позже, в римской риторике, ирония получила более четкое определение как фигура речи, при которой слова используются в смысле, противоположном их буквальному значению. «Квинтилиан различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи, целого текста, отдельной личности. В таком противопоставлении оказались заложены основные подходы к иронии: риторический и философский (мировоззренческий)» [2, с. 32].

В Средние века и эпоху Возрождения ирония продолжала использоваться в литературе и философии, нередко приобретая сатирический или дидактический характер.

Пик развития концепции иронии в западной философской традиции приходится на эпоху романтизма. Ирония, разработанная Ф. Шлегелем и другими представителями романтизма, представляла собой нечто большее, чем обыкновенный риторический прием. Она стала выражением мировоззренческой позиции, осознания бесконечности и относительности всего сущего, постоянного разрыва между идеалом и реальностью. Романтический ироник постоянно возвышается над собственным творением, разоблачает иллюзии, демонстрирует относительность форм и границ, подчеркивая свободу духа и творческого начала. Ирония в этом случае оказывалась направленной не только на внешний мир, но и на самого субъекта, на его индивидуальные убеждения и творения.

Важнейшим этапом в осмыслении иронии стала концепция С. Кьеркегора, который перевел ее из разряда эстетической игры в сферу экзистен-

циального выбора. Определяя иронию как «бесконечную абсолютную негативность», датский мыслитель видел в ней необходимую границу между эстетическим и этическим модусами существования. С. Кьеркегор подчеркивал, что ирония является необходимым моментом становления субъективности, позволяющим личности дистанцироваться от диктата непосредственности и общепринятых условностей [3, с. 182].

Хотя восточная традиция не оперирует понятием «ирония» эксплицитно, она выстраивает систему дискурсивных стратегий, выступающих функциональными эквивалентами иронического дистанцирования и преследующих те же цели трансформации сознания субъекта.

Одним из наиболее заметных примеров является даосизм. Учение Лаоцзы и Чжуан-цзы наполнено парадоксами, аллегориями и скрытым смыслом, которые призваны разрушить обыденное, логическое мышление и привести к интуитивному постижению Дао. Например, знаменитые притчи Чжуан-цзы нередко используют абсурдные ситуации и неожиданные повороты, чтобы показать относительность человеческих суждений и ограниченность рационального познания [4, с. 112].

Для точного анализа восточных феноменов необходимо провести терминологическое различие между парадоксом и иронией. Если парадокс (коан, притча) выступает как структурный и логический инструмент, который создает интеллектуальный тупик и разрушает привычные категории мышления, то ирония здесь является мировоззренческой функцией и онтологическим результатом. Она заключается в осознании фундаментального разрыва между относительной, дуалистической картиной мира, созданной ограниченным разумом («имена и формы») и трансцендентной, целостной реальностью (Дао, Пустота). Таким образом, парадокс – это механизм, используемый для того, чтобы спровоцировать у субъекта состояние, которое можно назвать «иронией бытия» – глубоким постижением иллюзорности его собственной рациональной конструкции. Это не ирония в смысле насмешки, а онтологическая ирония, указывающая на условный характер дискурсивных категорий и необходимость выхода за их пределы. «Иронические несоответствия, которыми постоянно оперирует «Чжуан-цзы», дают возможность осознать относительность любых оппозиций» [5, с. 12].

Мудрец, следующий Дао, в социальной оптике неизбежно принимает «облик глупца», что само по себе является актом иронической инверсии ценностей. Позиция ироника здесь – это позиция включенного наблюдателя, позволяющая участвовать в мире, сохраняя внутреннюю дистанцию, и наблюдать за ним, не теряя онтологической сопричастности.

В восточном типе философствования функциональный изоморфизм иронии наиболее ярко обнаруживается в традиции чань-буддизма, возникшей в Китае как результат уникального синтеза индийской буддийской доктрины и даосского интуитивизма. Схожие с иронией функции здесь выполняют

коаны – специфические парадоксальные задачи, которые, по определению Н. В. Абаева, являются «неразрешимыми на логическом уровне», что призвано вызвать «психологический тупик», деструкцию автоматизма дискурсивного мышления и прорыв к просветлению [6, с. 131]. Коан «Хлопок одной ладони», не имеющий рационального ответа, выступает инструментом онтологической иронии, обнажающей фундаментальную ограниченность языка и теоретического знания для достижения интуитивного прозрения.

География восточной иронии не ограничивается дальневосточным регионом; схожие механизмы деконструкции догматического сознания обнаруживаются и в суфизме. Здесь ирония перерастает рамки риторической фигуры, превращаясь в экзистенциальный и воспитательный инструмент. Как отмечает К. Кодиров, суфийская традиция обращается к иронии, поскольку она дает возможность «в мягкой форме осмеять негативные явления…, притворно облекая мысль в иносказательную форму» [7, с. 268].

Ярким примером этой традиции является образ Ходжи Насреддина. В суфийских притчах за внешним комизмом скрывается глубокая гносеологическая дистанция. Х. Насреддин, совмещая черты мудреца и простака (что делает его фигуру типологически родственной сократическому типу ироника), использует абсурд для разоблачения догматизма и лицемерия. В этих сюжетах реализуется ключевой принцип иронии – удержание зазора между буквальным планом (бытовой анекдот) и трансцендентным смыслом (духовный урок). Подобно наставникам чань-буддизма, суфийские учителя через ироничный парадокс подталкивают субъекта к критической ревизии его предубеждений и выходу к недвойственному постижению реальности.

Возвращаясь к сопоставлению, следует подчеркнуть, что в западной философии ирония традиционно соотносится с индивидуальным субъектом, его свободой и критическим отношением к миру. От Сократа до Кьеркегора ирония выступает в качестве способа утверждения индивидуальности, дистанцирования от общепринятых норм и поиска личной истины. Она может быть выражением скептицизма, сомнения или даже нигилизма, но всегда предполагает активную позицию субъекта, его способность к рефлексии и самоанализу. Хотя романтическая ирония, в частности, подчеркивает трагическое осознание разрыва между идеалом и реальностью, но при этом утверждает творческую свободу духа, который способен возвыситься над этим разрывом.

В восточных традициях ироническое включено в универсальные системы, где акцент смещен с индивидуальной свободы субъекта на преодоление его обособленности. Если западная ирония традиционно соотносится с утверждением суверенного «Я», то восточные дискурсивные стратегии задействуют иронию для децентрации субъекта и обнаружения онтологической пустотности любой формы. Целью здесь оказывается не манифестация партикулярной точки зрения, а снятие субъект-объектного бинаризма. Парадоксы даосизма и коаны чань-буддизма направлены на то, чтобы обнаружить

иллюзорность рациональных конструкций Эго, позволяя сознанию выйти за пределы субъект-объектной дихотомии и интегрироваться в недуальный континуум реальности.

Несмотря на внешнее несходство, именно в поиске путей трансляции «невыразимой истины» западная мысль XIX–XX вв. совершает поворот, сближающий ее с восточными интуициями. Эволюция иронии – от модуса субъективной рефлексии к стратегии тотальной деконструкции классических смыслов – обнажает пределы рационального дискурса.

Г. В. Ф. Гегель, критиковавший романтическую иронию за ее субъективизм, тем не менее, фиксирует ее роль как необходимого момента диалектического движения, где конечное отрицается ради более высокого синтеза. Однако радикальный шаг совершает Ф. Ницше, возводя иронию в ранг фундаментального экзистенциального опыта. Его стратегия «переоценки всех ценностей» позволяет дистанцироваться от диктата любых догм. Ирония Ницше – это не просто «субъективная разрушительность» [8, с. 24], но и «веселая наука», обнаруживающая родство с даосским смехом над серьезностью бытия.

В философии постмодернизма ирония окончательно трансформируется из инструмента субъекта в тотальное «состояние дискурса». Она перестает быть исключительно авторской позицией и становится имманентной характеристикой самой текстовой реальности, ее ризоматичности и интертекстуальности. Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Деррида, Р. Рорти и другие представители современной философии используют иронию для демонстрации относительности любого знания. Р. Рорти через фигуру «либерального ироника» подчеркивает случайность наших «финальных словарей», что фактически подводит западную мысль к осознанию онтологической условности Эго.

Обосновывая специфику постмодернистского мироощущения, У. Эко подчеркивает, что ирония становится единственно возможным способом коммуникации с традицией в мире, где «наивное» высказывание невозможно [9, с. 77].

«В постмодернистской парадигме ирония направлена на культуру в целом, на познание, подвергая сомнению саму возможность объективного знания и единой картины мира, а иронизирование трансформировалось в обязательный атрибут философствования» [10, с. 216]. Механизмом реализации такой иронии выступает игра, позволяющая избежать абсолютизации опыта. В этой точке западный дискурс парадоксальным образом сближается с восточным интуитивизмом: ирония перестает конституировать суверенный субъект и начинает обнаруживать его принципиальную онтологическую пустотность.

Проведенный сравнительный анализ позволяет заключить, что ирония в восточной и западной традициях, при всей внешней несхожести их культурных кодов, выступает как универсальная эпистемологическая стратегия,

направленная на деконструкцию автоматизмов мышления. Генезис западного иронического дискурса демонстрирует сложную траекторию трансформации субъективности: от сократического метода «ученого незнания», полагавшего границы рационального поиска, к романтическому миропониманию, где ирония утвердилась как способ манифестации абсолютной свободы творческого духа. В этой точке ирония впервые обрела статус тотального мировоззрения, фиксирующего неустранимый разрыв между бесконечным потенциалом личности и ограниченностью ее объективаций.

Дальнейшая эволюция западной мысли привела к экзистенциализации этого опыта: через кьеркегоровскую «абсолютную бесконечную негативность», конституирующую суверенность «Я» в акте отстранения от непосредственности, и ницшеанскую «переоценку всех ценностей», возводящую иронический смех в ранг фундаментального акта жизнеутверждения, ирония подготавливала почву для радикального поворота XX столетия. В пространстве постмодернистской рефлексии ирония окончательно утрачивает привязку к суверенному авторскому «Я», трансформируясь в тотальное «состояние дискурса», где осознание случайности «финальных словарей» и ризоматичность текстовой реальности делают невозможным любое наивное, прямолинейное высказывание, превращая любое утверждение в акт иронического цитирования.

Парадоксальным образом именно в этой предельной точке западный дискурс обнаруживает глубокую конвергенцию с восточными интуициями. Однако если западный путь к осознанию условности концептуальных систем пролегал через утверждение и последующий кризис субъекта, то восточные стратегии (даосизм, чань-буддизм, суфизм) изначально использовали иронию как инструмент децентрации субъекта. Через механизмы парадокса, коана или ироничной притчи восточная мысль дезавуирует диктат рационального Эго, обнажая онтологическую пустотность любых фиксированных форм и имен. Ироническая дистанция здесь выступает не как способ утверждения индивидуальной автономии, а как медиатор, обеспечивающий переход от дуалистического разделения мира к его целостному постижению. Обнаруживая единство целей при различии культурных стратегий, ирония позволяет рассматривать диалог Востока и Запада как единое пространство поиска трансцендентной истины, где зазор между словом и смыслом становится не препятствием, а необходимым условием духовной трансформации и выхода к подлинному онтологическому опыту.

**Список использованных источников**

1. *Кессиди, Ф. Х.* Сократ / Ф. Х. Кессиди. – М. : Мысль, 1976. – 198 с.

2. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии : когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2014. – 399 л.

3. *Кьеркегор, С.* О понятии иронии / С. Кьеркегор // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.

4. *Чжуан-цзы.* Ле-цзы / Чжуан-цзы. – СПб. : Азбука-классика, 2001. – 320 с.

5. *Тугарева, М. В.* Ирония как смысловая стратегия даосского канона «Чжуан-Цзы» : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.03 / М. В. Тугарева. – М., 2005. – 25 с.

6. *Абаев, Н. В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев ; отв. ред. Л. П. Делюсин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 272 с.

7. *Кодиров, К.* Педагогические и дидактические идеи суфизма : Социальные и идейные истоки формирования и развития : дис. … доктора педагогических наук : 13.00.01 / К. Кодиров. – Душанбе, 2002. – 281 с.

8. *Пивоев, В. М.* Ирония как феномен культуры / В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 104 с.

9. *Эко, У.* Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко ; пер. с итал. Е. Костюкович. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2025. – 160 с.

10. *Медведок, Т. В.* Историко-философская реконструкция основных подходов в понимании и определении роли иронии / Т. В. Медведок // Науч. тр. Респ. ин-та высш. школы. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Респ. ин-т высш. школы ; редкол.: В. А. Гайсенок (пред.) [и др.]. – Мн. : РИВШ, 2022. – Вып. 21, ч. 2. – С. 211–217.

**(Дата подачи: 16.02.2026 г.)**

*О. М. Мижевич*
Белорусский государственный университет иностранных языков, Минск

*O. Mizhevich*
Belarusian State University of Foreign Languages, Minsk

**УДК [159.923.5+37.032]+140.89(045)**

## ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА: ДИАЛЕКТИКА ПРОСТРАНСТВА И СУБЪЕКТА

## PERSONALITY DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE URBAN LANDSCAPE: THE DIALECTICS OF SPACE AND SUBJECT

*Город является не просто пространством, в котором живет человек, но и сложной социокультурной структурой, формирующей его идентичность, систему ценностей и спо-*